

А. А. ЧЕКАЛОВА

ИЕШУ СТИЛИТ ИЛИ ПРОКОПИЙ?

(К вопросу о манере изображения греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном в 502—506 гг.)

Несмотря на то что в византиноведческой литературе уже указывалось на близость греческой и сирийской историографии¹, до сих пор еще сохраняется традиционное деление византийских исторических сочинений на греческие и восточные, а порой бытует и более странная градация памятников на византийские и восточные². Думается, что существующее деление византийской историографии на греческую и восточную в высшей степени условно. Вероятно, правильнее было бы говорить о единой византийской исторической литературе, непременно включая в нее как вполне полноправную часть сирийские памятники. Дело не только в том, что произведения греческих и сирийских авторов возникают в одном и том же регионе и в одну и ту же эпоху: они не существуют обособленно друг от друга, но, напротив, пребывают в постоянном взаимодействии. Сирийские авторы активно используют греческие сочинения, нередко включая их как целые части в свои труды. При этом сирийцы не были лишь пассивной, усваивающей стороной. Их влияние сказалось на языке греческих авторов, их манере изложения, подходе к отдельным историческим событиям. Сами исторические сочинения на греческом языке нередко создавались именно сирийцами. Достаточно вспомнить Евстафия, Иоанна Епифанийского, Иоанна Малалу. Выходцем из Сирии был Евагрий, сириец по происхождению, как предполагают, был крупнейший историк ранней Византии Прокопий³. Во всяком случае экспрессивность его изложения носит на себе оттенок восточного влияния⁴.

В данной статье нам хотелось бы еще раз обратить внимание на взаимосвязь греческой и сирийской историографии. Мы остановимся на трактовке греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном 502—506 гг. На это событие выбор пал прежде всего потому, что оно нашло отражение в сравнительно большом числе как греческих, так и сирийских исторических сочинений.

¹ См.: Brooks E. W. The Sources of Theophanes and the Syriac Chroniclers. — BZ, 1906, 15, p. 578—587. Далее необходимо назвать работы Н. В. Пигулевской, прежде всего монографию «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э.: (Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник)» (М.; Л., 1945) и ряд исследований в вышедшем посмертно сборнике ее статей «Ближний Восток. Византия. Славяне» (Л., 1976); см. также: Proudfoot A. S. The Sources of Theophanes for Heraclian Dynasty. — Byz., 1975, 44, p. 367—426.

² Pugliese Carratelli G. La Persia dei Sasanidi nella storiografia romana da Ammiano a Procopio. — Atti del Convegno internazionale sul tema: La Persia nel Medioevo. Roma, 31 marzo—5 aprile 1970. Roma, 1971, p. 597—603.

³ Procopius Caesariensis. Werke/Griechisch-deutsch./Ed. O. Veh. 3. Perserkriege. München, 1970, Einführung, S. 439.

⁴ Rubin B. Procopius von Kaisareia. — RE, 1957, 45. Hbd, col. 326—327; Ciocan-Ivanescu R. Procope et l'hellénisme oriental. — In: Studi storici in onore di Gabriele Pepe. Bari, 1969, p. 149—160.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу памятников, кратко напомним события, о которых идет речь.

Осенью 502 г. иранский шах Кавад I с большим войском вторгся в пределы Византии, опустошил ряд селений в византийской Армении, взял Феодосиополь и затем осадил Амид. В январе 503 г., после длительной осады, персы взяли город. Из Константинополя были посланы войска, во главе которых находились многие видные полководцы того времени: потомок Аспара Ареобинд, племянник императора Анастасия Ипатий, будущий византийский император Юстин и др. Впрочем, им не удалось добиться успеха, и лишь после того, как Анастасий согласился выплатить персам 11 кентинариев золота, между обеими державами был заключен мир.

Иранская версия этих событий до нас не дошла. Сохранилась лишь краткая запись у Табари⁵. Основные источники, поведавшие нам об этих событиях, — византийские: произведения Иешу Стилита, Псевдо-Захарии, Прокопия, Феофана, Иоанна Малалы, Иоанна Лида, Евагрия, Марцеллина Комита и др.⁶ Наиболее подробные сведения содержатся в трудах Иешу Стилита, Псевдо-Захарии, Прокопия и Феофана.

Со времени первого издания хроники Иешу Стилита этому памятнику отдавалось предпочтение среди источников, сохранивших свидетельства о войне между Византией и Ираном в 502—506 гг. Исследователи рассматривали его как своеобразный эталон, по которому следует проверять данные других источников⁷. Подобной точки зрения придерживался и Б. Рубин, который вместе с тем конкретизировал ее, разделив источники на две группы. В первую группу он включил произведения Малалы и Феофана, во вторую — труды Иешу Стилита и Псевдо-Захарии⁸. В основу деления, как мы видим, положен языковой принцип. Греческие авторы, по мнению Б. Рубина, отражали официальную версию, сирийские — местную традицию, временами благожелательную по отношению к персам⁹. Промежуточное положение между греческими и сирийскими авторами занимает, как полагает Рубин, Прокопий, который при этом ближе стоит к восточным авторам¹⁰.

Иную классификацию источников мы встречаем у Н. В. Пигулевской. По ее мнению, в изложении взаимоотношений Византии и Ирана в конце V—начале VI в. многие источники обнаруживают определенное сходство. Это относится к хронике Иешу Стилита, «Истории войн» Прокопия, хронографиям Малалы и Феофана. Несколько в стороне, правда, осталось у Н. В. Пигулевской сочинение Псевдо-Захарии. Близость ряда источников исследовательница объясняет тем, что все они восходят к труду Евстафия Епифанийского¹¹. Как она полагает, Иешу Стилит и Прокопий пользовались сочинением Евстафия непосредственно, Феофан же воспринял его изложение через Прокопия¹². Думается, здесь можно внести некоторые коррективы.

Во-первых, Евстафий довел описание войны лишь до 503 г.¹³ Следовательно, события, развернувшиеся в 503—506 гг., описаны авторами на основании других источников. Иешу Стилит посвятил этому периоду войны примерно половину своего рассказа (гл. 64—81), у Прокопия он занимает треть изложения (I, 8, 20—I, 9), причем назвать этот раздел, включающий в себя колоритный рассказ о гибели персидского военачальника Глона, суммарным, как это делает исследовательница¹⁴, представляется нам неточным. Во-вторых, и в изложении событий войны, описанных Евстафием, источники обнаруживают существенные расхождения. К таковым можно отнести несходство в рассказе Иешу Стилита и Феофана, с одной стороны, и Прокопия — с другой. Различия в изложении Феофана и Прокопия были подмечены еще К. Кирхнером¹⁵. В самом деле, вряд ли соответствующее место «Хронографии» Феофана является, как полагает Н. В. Пигулевская, извлечением из «Истории войн» Прокопия. При описании войны 502—506 гг. Феофан ею не пользовался или почти не пользовался. «История войн» Прокопия являлась основным ис-

точником для Феофана при описании войн ромеев с вандалами и готами. Составляя эту часть своего труда, он действительно делал извлечения из рассказа Прокопия, используя при этом его выражения, иногда дословно его передавая и, главное, сохраняя его сюжетную канву. При описании же войны 502—506 гг. «Хронография» Феофана существенно отличается от труда Прокопия. В ней есть масса деталей, отсутствующих в изложении Прокопия. Более того, описание войны здесь принципиально иное, нежели рассказ о ней у Прокопия.

Мы не отрицаем известной близости всех источников, сохранивших свидетельства о войне 502—506 гг. В то же время мы считаем, что среди них можно выделить две группы, но они несколько иные, чем у Рубина. В первую группу мы включаем сочинения Иешу Стилита и Феофана, во вторую — произведения Псевдо-Захарии и Прокопия. Промежуточное положение между этими группами, при всей краткости изложения, занимает рассказ Иоанна Малалы: он то близок к тексту Псевдо-Захарии, то имеет некоторое сходство с описанием Иешу Стилита и Феофана.

Рассказ Иешу Стилита и Феофана сближает прежде всего общая картина изложения. Наиболее важное событие этой войны, военные действия в районе Амида, тонет у них в массе других деталей. Большое внимание, в частности, эти авторы уделили событиям в районе Эдессы и Нисибиса после взятия Амида персами. Немало у них и иных сходных моментов. Посмотрим, например, как описывают Иешу Стилит и Феофан взятие персами Феодосополя:

Иешу Стилит, гл. 48

Феофан (р. 144).

Кавад, сын Пероза, персидский царь, собрал все персидское войско и двинулся на север. Он вступил на территорию греков с гуннским войском, которое было с ним, и осадил Феодосиополь в Армении. Он взял его немного дней спустя, так как правитель этой земли по имени Константин восстал против греков и предал город...

Он двинулся с множеством персов и других народов прежде всего в Армению и взял Феодосиополь, так как Константин, синклитик и командующий иллирийским войском, предал его.

При некотором различии в деталях сходство особенно бросится в глаза, если сопоставить изложение Иешу Стилита и Феофана с рассказом других авторов. Прокопий говорит о начале похода Кавада в общих чертах, а вот Псевдо-Захария и Малала сообщают нам подробности, противоположные известиям Иешу Стилита и Феофана:

⁵ *Tabari. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden/Übers. von Th. Nöldeke. Leyden, 1879, S. 145—146.*

⁶ *Joshua the Stylite. The Chronicle composed in Syriac A. D. 507. Cambridge, 1882 (далее — *Josh. Styl.*), ch. 48—81; *Zacharias Rhetor. Die sogenannte Kirchengeschichte/ Ed. K. Ahrens, G. Krüger. Leipzig, 1889 (далее — *Zach. Rhet.*), VII, 3—5; *Procopii Caesariensis Opera omnia/ Ed. H. Haury, rec. G. Wirth. Lipsiae, 1962, vol. I (далее — *Procop.*, B. P.), I, 7—9; *Theophanis Chronographia/ Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883 (далее — *Theoph.*), p. 144—149; *Joannis Malalae Chronographia. Bonnae, 1831 (далее — *Malal.*), p. 398—399; *Joannis Lydi De magistratibus populi Romani. Lipsiae, 1903, III, 53; Evagrius. The ecclesiastical history. London, 1898, III, 37; Marcellini Comitis Chronicon. — MGH AA, t. XI, vol. 2, fasc. 1 (далее — *Marcell.*), p. 96.******

⁷ *Tabari Op. cit.*, S. 146; *Merten E. De bello persico ab Anastasio gesto. Jena, 1905, p. 141; Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V—VI вв., с. 10, 15 и др.*

⁸ *Rubin B. Op. cit.*, col. 364.

⁹ *Ibid.*, col. 364.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V—VI вв., с. 24—28.*

¹² Там же, с. 26—27.

¹³ Там же, с. 20.

¹⁴ Там же, с. 27.

¹⁵ *Kirchner K. Bemerkungen zu Prokops Darstellung der Perserkriege des Anastasios, Justin und Justinian von 502 bis 532. Wismar, 1887, S. 5.*

...Кавад собрал войско и двинул его против Феодосополя, расположенного в ромейской Армении, и взял этот город. С его жителями он обошелся милостиво, потому что они не поносили его, но он захватил Константина, начальника их города.

...и Феодосиополь был захвачен Кавадом, царем персов, когда он выступил с большим войском. Этот царь персов взял в плен Константина, могущественного стратега ромеев...

Итак, если, согласно Иешу Стилиту и Феофану, Феодосиополь пал в результате предательства стратега Константина, впоследствии воевавшего на стороне Кавада¹⁶, то, согласно другой версии, Константин не являлся предателем, но был захвачен в плен иранским шахом и, по свидетельству Иоанна Малалы, в плену и умер¹⁷.

Отметим еще один сходный эпизод в изложении Иешу Стилита и Феофана, не имеющий аналогий в других источниках:

Иешу Стилит, гл. 55

В месяце Таммуц (июль) собрались к персам гунны и арабы, чтобы идти против него (Ареобинда) во главе с Константином. Когда он узнал об этом от шпионов, он послал Каллиопу Алеппского, чтобы тот сказал Патрикию и Ипатию: «Идите ко мне и помогите мне, потому что большое войско собирается идти против нас».

Феофан (р. 146)

Кавад послал большое войско против ромеев, поэтому Ареобинд обратился к войскам Ипатия и Патрикия, чтобы они из-под Амида пришли к нему для совместного сражения.

Близким по содержанию является рассказ Иешу Стилита и Феофана о событиях, связанных с прибытием из Константинополя магистра Келера¹⁸, т. е. именно о том времени, которое не успел осветить Евстафий.

В равной мере Иешу Стилит и Феофан, хотя и упоминают об отдельных неудачах византийцев, воздают хвалу византийским полководцам, прежде всего Ареобинду, который, по свидетельствам того и другого автора, одерживал неоднократно победы над персами и отогнал их к самому Нисибису¹⁹. Высоких похвал удостоивают хронисты и магистра Келера²⁰.

Мы далеки от мысли ставить знак равенства между этими двумя источниками, поскольку при известной краткости изложения у Феофана имеются детали, отсутствующие в хронике Иешу Стилита. Вспомним хотя бы сообщение Феофана о том, как после одной из побед над персами Ареобинд отправил в Константинополь «прекрасный символ победы» — меч и браслет одного видного персидского военачальника²¹. И все же связь источника Феофана и хроники Иешу Стилита представляется нам несомненной²². Возможно, оба эти памятника принадлежали к одному и тому же кругу.

Псевдо-Захария и Прокопия, в свою очередь, роднит то, что в центре их повествования находятся военные действия в районе Амида. Относящиеся сюда события излагаются ими очень подробно, с массой интересных, близких друг другу деталей²³. Действиям византийских полководцев в других районах Месопотамии эти авторы уделили значительно меньшее место. И Прокопий, и Псевдо-Захария одинаково порицают присланных из Константинополя военачальников, считая, что они не совершили ничего достойного, не завоевав, но купив мир с Кавадом²⁴.

Таким образом, если в основу классификации источников, сохранивших описание войны между Византией и Ираном в 502—506 гг., положить принцип не языка, а содержания, то окажется, что и в той и в другой группе будут находиться и греческие и сирийские авторы.

Как объяснить, что источники, излагавшие одни и те же события, столь различно описали их? Кирхнер, посвятивший специальное исследование манере изображения Прокопием войн между Византией и Ираном, считал, что Прокопий порицал участвовавших в войне 502—506 гг. полководцев по политическим мотивам. При этом он вспоминает, что во время восстания 512 г. восставшие чуть было не провозгласили Ареобинда импе-

ратором. Как полагает Кирхнер, это должно было вызвать антипатию к нему Прокопия²⁵. Подобная точка зрения представляется сомнительной. Ареобинд являлся аристократом не в первом поколении (что в это время было сравнительной редкостью²⁶), народным вождем он не был, на титул императора не претендовал, во всяком случае не считал возможным получить его от мятежных народных масс²⁷. Стремление народа провозгласить его императором объясняется не столько симпатией восставших к нему, сколько той огромной популярностью, которой пользовалась у населения столицы его жена — патрикия Юлиана Аниция, женщина честолюбивая и энергичная, не упускавшая случая открыто выступить против религиозной политики Анастасия²⁸. Сам же Ареобинд, как только ему стало известно о намерении восставших провозгласить его императором, тут же бежал из города²⁹. Принимая все это во внимание, едва ли можно заподозрить Прокопия в том, что он порицал Ареобинда за его неудачи в войне 502—506 гг. по соображениям политического характера. Скорее напротив, Прокопий, сторонник законной императорской власти, к тому же симпатизировавший Анастасию, не стал бы осуждать Ареобинда уже по той причине, что тот не пожелал быть возведенным на престол восставшим народом.

Причина разногласий указанных выше исторических сочинений заключена, на наш взгляд, в источниках их сведений и субъективном отношении их авторов к событиям, о которых идет речь. Это особенно характерно для Иешу Стилита. Во время войны 502—506 гг. он жил в Эдессе и создал свою хронику вскоре после ее окончания³⁰. Вполне естественно, что все происходившее в Эдессе и ее округе было ему хорошо известно и особенно глубоко его волновало. Военные действия, которые развернулись в районе

¹⁶ *Josh. Styl.*, ch. 48, 55.

¹⁷ *Malal.*, p. 398. Поскольку Иоанн Малала основывался в данном случае на рассказе Евстафия, на что он прямо указывает (p. 399), очевидно, что Иешу Стилит и Феофан использовали здесь источник, отличный от Евстафия.

¹⁸ *Josh. Styl.*, ch. 64—81; *Theoph.*, p. 147—149.

¹⁹ *Josh. Styl.*, ch. 55; *Theoph.*, p. 146.

²⁰ В оценке деятельности Келера близок к Иешу Стилиту и Феофану Иоанн Малала, восхищавшийся мудростью этого «славнейшего» магистра (*Malal.*, p. 399). Эта часть «Хронографии» Малалы уже не восходит к Евстафию. В том месте, где он основывается на сочинении Евстафия, хронист упоминает о каком-то сражении, приведшем к гибели множество персов и ромеев. Подобного нейтрального подхода к описанию военных действий мы не встречаем у других авторов. Возможно, в этом кроется их отличие от рассказа Евстафия.

²¹ *Theoph.*, p. 146.

²² Близость «Хронографии» Феофана к сирийским памятникам при изложении других событий была отмечена Н. В. Пигулевой, см.: *Пигулевская Н. В.* Хронография Феофана и сирийские хроники. — В кн.: *Ближний Восток. Византия. Славяне*, с. 152—160. Сходство сочинения Феофана с произведениями сирийских авторов исследовательница объясняет тем, что и Феофан и сирийские авторы использовали один и тот же греческий источник. Между тем в свое время Брукс (*Brooks E. W.* Op. cit., p. 578—587) и совсем недавно Праудфут (*Proudfoot A. S.* Op. cit., p. 367—426) показали, что при описании событий VII—VIII вв. Феофан использовал сирийские источники в греческой редакции.

²³ Сходство в изложении того и другого автора иной раз настолько поразительно, что оно побудило такого тонкого исследователя, как Хаури, предположить, что Прокопий использовал текст Псевдо-Захарии (*Procop. Prolegomena*, p. XIX—XX). Однако если принять во внимание расхождения в цифрах и других деталях (см., например, эпизод, повествующий о гибели Глона: *Procop.*, В. Р., I, 9, 15—18; *Zach. Rhet.*, VII, 5), то останется лишь допустить, что оба автора использовали близкую устную традицию.

²⁴ *Procop.*, В. Р., I, 8, 6—22; 9, 20; *Zach. Rhet.*, VII, 5.

²⁵ *Kirchner K.* Op. cit., S. 6.

²⁶ Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. — ВВ, 1972, 33, с. 18—21.

²⁷ Чекалова А. А. Восстание Ника и социально-политическая борьба в Константинополе в конце V—первой половине VI в. — ВО, 1977, с. 174—175.

²⁸ *Theoph.*, p. 157—158.

²⁹ *Malal.*, p. 407; *Chronicon Paschale/Rec. L. Dindorf. Bonnae*, 1832, p. 610.

³⁰ Крайней датой создания хроники исследователи считают 518 г., см.: *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V—VI вв., с. 13—14.

Амида, Иешу Стилит воспринимал лишь как часть этой войны. Поэтому, хотя он знал об осаде Амида и писал об этом, особое внимание он уделил событиям, происходившим в его родном городе. Его рассказ — это описание войны с точки зрения жителя Эдессы. То же характерно и для источника, из которого почерпнул свои сведения Феофан.

Историки второй группы, по всей вероятности, также взяли за основу локальный материал, но на этот раз это был материал города Амида. Отсюда их возмущение деятельностью присланных из Константинополя полководцев, которые вместо того, чтобы отвоевать захваченный Кавадом город, совершали бесполезные набеги на персов. События 502—506 гг. описаны этими авторами как бы с точки зрения амидянина. Житель Амида Псевдо-Захария в данном случае, вероятно, зависел от материала, которым располагал (устная традиция, архив города).

Что касается Прокопия, то нам представляется, что он намеренно сконцентрировал изложение на событиях, связанных с Амидом. Посетив театр военных действий несколько лет спустя³¹, он при своей необыкновенной любознательности сумел многое узнать и досконально изучить все перипетии войны 502—506 гг.³² Вплетенная в его рассказ о войне красочная легенда о св. Якове, выдержанная в сирийском духе, показывает, что он активно использовал местную сирийскую традицию³³. Вероятно, он размышлял и над персидскими памятниками и устными рассказами персов об этой войне³⁴. Во всяком случае, из всех авторов Прокопий наиболее объективен по отношению к персам, а когда он изображает воинственного Кавада с короткой саблей в руке³⁵, то в этом есть элемент и некоторого восхищения иранским шахом. В целом Прокопий, по-видимому, хорошо изучил и письменную и устную (прежде всего греческую³⁶ и сирийскую) традиции. По всей вероятности, он знал значительно больше того, что включил в свой рассказ. В трактате «О постройках», в частности, Прокопий упоминает о том, что Кавад на своем пути к Амиду взял город Феодосиополь³⁷. В «Истории войн» он описывает начало похода Кавада следующим образом: «Прежде всего без всякого объявления войны он (Кавад) направился в Армению и, многое награбив в результате набега, неожиданно подошел к городу Амиду, расположенному в Месопотамии, и зимой приступил к его осаде»³⁸. Прокопий ограничивается здесь общей фразой о проходе Кавада через Армению, не упомянув при этом о Феодосиополе. Думается, он поступил так не потому, что не знал о захвате этого города персами³⁹ (тем более что непосредственно после описания войны он особо говорит о Феодосиополе⁴⁰), но скорее по той причине, что стремился обратить внимание читателя на более существенный факт. Он выделил в этой войне главное событие и в соответствии с этим определил для себя основную тему. Именно ей он и посвятил свой рассказ, сделав это с необычайным блеском.

Прокопий показал себя не только великолепным историком, но и превосходным писателем, хотя ему и пришлось вступить в некоторое противоречие с принципом, провозглашенным им в начале своей «Истории войн», согласно которому истории в противоположность поэтическим жанрам подобает не красота, а истина⁴¹. Его описание соразмерно, плавно и вместе с тем образно и живописно. Все направлено на то, чтобы создать у читателя цельное, четкое и яркое представление об этой войне.

Какой же из двух групп исторических сочинений отдать предпочтение? Едва ли можно прямо ответить на этот вопрос. В произведениях Иешу Стилита и Феофана много деталей, которые расширяют наше представление о событиях войны 502—506 гг., но все же второстепенных, хотя авторы мыслят их столь же важными, так и тема Амида.

Описание событий второй группы историков, выделяющее Амид, может быть, более схематично, но более верно. Примечательно, что все авторы кратких известий о войне 502—506 гг., в том числе и Табари, говорят лишь о захвате персами Амида⁴². Интерес представляют сведения Эдесской хроники, автор которой, использовав хроникера Иешу Стилита,

пишет об этой войне так: «В 814 г. персидский царь Кавад выступил против Амида, города в Междуречьи. . . осадил его и подчинил через 97 дней. . .»⁴³. Далее, согласно хронике, Кавад отправился к Эдессе, но не причинил иного вреда, кроме того, что «сжег церковь мар Саргиса и северную базилику церкви Исповедников»⁴⁴. Действительно, какими бы важными ни представлялись Иешу Стилиту события, касающиеся Эдессы, сколько бы места он им ни уделял, ясно, что основные события этой войны разворачивались не здесь, а в районе Амида.

Деятельность полководцев более объективно рисует вторая группа источников (сочинения Прокопия и Псевдо-Захарии). Характерно, что при всем своем восхищении действиями полководцев Иешу Стилита и Феофан вынуждены признать, что ромеи купили мир ценой денег⁴⁵. Свидетельства Прокопия и Псевдо-Захарии подтверждает и Марцеллин Комит, который, хотя и стоит от них особняком, в этом случае полностью подтверждает их данные и даже в более резких тонах. Он, в частности, пишет, что «ромеев сражались с персами без храбрости, полководцы бежали с поля битвы, в то время как множество солдат погибло. Затем полководцы решили выкупить назад Амид, захваченный персами, разграбленный и лишенный всяких ценностей»⁴⁶.

Таким образом, признавая достоинства хроники Иешу Стилита, заключающиеся в ее конкретности, мы не можем умалять значение свидетельств Прокопия, рисующего более верную общую картину и в этом плане более объективного.

³¹ В 527 г. Прокопий в качестве секретаря Велисария отправился к восточным пределам империи (*Procop.*, В. Р., I, 12, 24).

³² Прокопий прекрасно знал всю восточную границу империи и расположенные здесь города, см.: *Kirchner K.* Op. cit., S. 3—4; *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии: (По данным историков IV—VII вв.). М., 1977, с. 148 и прим. 15.

³³ *Procopius Caesariensis.* Werke, S. 462—463.

³⁴ *Kirchner K.* Op. cit., S. 5.

³⁵ *Procop.*, В. Р., I, 7, 28.

³⁶ По мнению Рубина, он использовал труд Приска, см.: *Rubin B.* Op. cit., col. 364.

³⁷ *Procop.*, De aed., III, 5, 2.

³⁸ *Procop.*, В. Р., I, 7, 3.

³⁹ Этот упрек делали Прокопию К. Кирхнер и К. Хофман, см.: *Kirchner K.* Op. cit., S. 5; *Hofmann K.* Zur Kritik der byzantinischen Quellen für die Römerkriege Kobads I. Schweinfurt, 1877, S. 4—5.

⁴⁰ *Procop.*, В. Р., I, 7, 3.

⁴¹ *Procop.*, В. Р., I, 1, 4—5.

⁴² *Tabari.* Op. cit., p. 146; *Theodores Anagnostes.* Kirchengeschichte. Berlin, 1971, p. 134; *Evagrius*, III, 37.

⁴³ *Пигулевская Н. В.* Эдесская хроника. — ПС, 1959, 4/67, с. 93.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Josh. Styl.*, ch. 81; *Theoph.*, p. 148.

⁴⁶ *Marcell.*, p. 96.